

Кадетское письмо

№ 114. Буэнос-Айрес, ноябрь 2019. XXV год издания.

100 лет Русской белой эмиграции

В наступающем 2020 году исполняется **сто лет Русской белой Эмиграции**. По этому поводу, Кадетское Письмо публикует в этом номере выдержки из воспоминаний его редактора, а также и выдержки из исторической справки о Русской эмиграции, вышедшей в № 9 Кадетского письма, от января 2004 года, и некоторые другие выдержки из его предыдущих номеров на эту же тему.

Русская эмиграция в её персональном составе физически уже полностью кончилась. Однако, ещё остались дети и в гораздо большем количестве внуки и правнуки русских белых эмигрантов, большинство каковых продолжает относить себя к Русской белой политической эмиграции, ибо само это наименование имеет неповторимый принципиальный историческо-эпический характер. Кроме того, продолжают, так или иначе, существовать некоторые общественные и культурные структуры, в свое время созданные Русской эмиграцией. В этом смысле особенное место занимает Русская Православная Церковь Заграницей, сегодня часто также именуемая *Русская Православная Зарубежная церковь*

Русская эмиграция создала большим жертвенным трудом сотни русских православных храмов по всему миру, и даже несколько монастырей. В некоторых странах эти храмы и монастыри продолжают и до сегодняшнего дня быть живыми центрами русской православной духовной и культурной жизни в инославном мире. Например, Ново-Дивеевский монастырь под Нью-Йорком вскоре будет отмечать свое 70-летие и готовится к нему, ибо ожидается большое стечение русских людей на этот праздник. При этом монастыре существует также большое русское кладбище, на котором имеется и кадетский сектор, недавно приведенный в порядок.

Началом **великого исхода** Русской Белой эмиграции принято считать 22 ноября 1920 года, день высадки в Галлиполи частей Русской Армии, эвакуировавшихся с Юга России, под верховным командованием генерала П. Н. Врангеля, после трёхлетней гражданской войны. За три дня до этого, была образована «**Русская Православная Церковь Заграницей**»: 19 ноября 1920 года, на борту парохода «Великий князь Александр Михайлович», состоялось первое заграничное заседание, под председательством митрополита Антония Киевского и Галицкого, «*Временного Высшего Церковного Управления Юго-Востока России*», которое в декабре того же года было преобразовано в «*Высшее Русское Церковное Управление за границей.*» (Митрополит Антоний получил наибольшее число голосов на Поместном Соборе РПЦ в 1918 году, при выборе Патриарха РПЦ).

Несмотря на такую столетнюю дистанцию во времени, Русская Эмиграция донесла до России многие сохраненные ею русские традиционные идеи и принципы. +

Русская белая эмиграция (справка)

Терминология в этой справке

До Катастрофы 1917 года, официальное имя России было «**Всероссийская Империя**». В её конституции (Основных Законах) также употреблялось наименование «**Государство Российское**». Это было многонациональное государство, со многими вероисповеданиями, обладавшее гибкими конституционными формами, допускавшими разнообразные конфедеративные отношения (например, с Финляндией, с частью Польши и т. д.), и даже княжества с собственными монархами, как, например, в случае хана Нахичеванского. Этот многонациональный характер отражался также и в имперских паспортах, каковые не только аккредитировали имперское гражданство, общее для всех жителей России, но также национальность и вероисповедание каждого гражданина, в согласии с его личным волеизъявлением. Между гражданами Российской Империи были представители нерусских и даже неславянских национальностей, которые, несмотря на это, в паспортах значились русскими, по их собственному желанию.

Вследствие этого, в данной справке наименование «**русский**» употребляется в самом широком понимании этого слова: русскими именуется все русские граждане, которые так себя называли сами, даже если у них было иное этническое происхождение. Русская культура и русское государство не признавали **национальной и расовой дискриминации**, ибо по своему духу были **имперскими**, сиречь антирасистскими. Также необходимо иметь в виду, что до конституционных реформ де-факто произведённых коммунистической диктатурой, наименование «русский» применялось де-юре и де-факто безразлично к великороссам, украинцам (малороссам) и белорусам. Великий русский ученый Менделеев отмечает этот критерий в его анализе результатов имперской переписи 1897 года.

Русская эмиграция, возникшая в результате пятилетней гражданской войны (1917 -1922 годов), численно достигавшая приблизительно трёх миллионов человек, всегда употребляла именно такой критерий. Кроме того, эта эмиграция состояла не только из членов вышеотмеченных трёх групп восточных славян, но также из лиц, принадлежавших к различным меньшинствам Российской Империи, что не было препятствием для их собственного самоопределения в качестве «**русских эмигрантов**».

В этой статье применяются эти самые критерии, без учета разных переименований и переклассификаций коммунистической диктатуры, часто употребляемых и до настоящего времени. Согласно таким коммунистическим критериям, Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Берию и большинство революционных главарей никак нельзя именовать русскими.

Происхождение Русской Белой эмиграции

Учредительными элементами Русской Эмиграции были части Русской Армии, в том числе несколько русских Кадетских Корпусов, два русских Военных Училища и значительная часть Епископата Русской Православной Церкви. (В Русской Эмиграции временами было больше русских православных епископов, чем на свободе в самой России). Основным ядром Русской Белой эмиграции были **русские воины**. Эта эмиграция возникла **де-факто**, как последствие пятилетней гражданской войны в России (1917 - 1922), и **де-юре**, как последствие ленинского указа лишившего, без суда и приговора, гражданства всех российских граждан, оказавшихся за границей, в результате этой гражданской войны.

Этот незаконный и бесчеловечный указ до сих пор никем не был отменен, несмотря на то, что породивший его режим давно бесславно провалился, **не достигнув ни одной из двух своих целей, ради которых он якобы возник: ни мировой пролетарской революции, ни построения социализма в одной стране.**

После государственного путча, произведенного в 1917 году Лениным со своей командой (прибывшими через воевавшую тогда с Россией Кайзеровскую Германию, руководством каковой они финансировались и инструктировались), в России возникла гражданская война, длившаяся 5 лет, в результате каковой (и в результате вызванного этой революцией расчленения Российской Империи) возникла русская Белая политическая эмиграция, или просто **Русская эмиграция**. Этот колоссальный человеческий контингент имел, главным образом, два происхождения:

1. Эвакуировавшиеся с Белыми армиями из портов юга России в 1920 году и из Владивостока в 1922 году.

2. Русские граждане, оказавшиеся за рубежами нового советского государства, провозглашенного де-факто Лениным и прибывшими с ним интернациональными пролетариями, проживавшие на приграничных территориях, отколотых этой катастрофой от России, и включенных в новосозданные независимые государства (Финляндия, Польша и Прибалтийские страны). Кроме того, несколько сотен тысяч жителей на территории русской «Китайской Восточной Железной Дороги», со столицей в Харбине, в Маньчжурии, ликвидированной и отданной Китаю в 1945 году.

Центральное ядро первой группы состояло из чинов Белой армии, под конец гражданской войны на юге России именовавшейся Русской армией, под верховным командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля.

Эта армия эвакуировалась в ноябре 1920 года из Крыма на 130 кораблях. Более 150 тысяч лиц, военных и гражданских, были тогда эвакуированы, главным образом, в Галлиполи, на юге от Константинополя, и на остров Лемнос. В составе Русской армии находилось несколько русских Кадетских корпусов и два русских Военных училища. (Среди эвакуировавшихся тогда кадет Крымского кадетского корпуса был учредитель и первый редактор Кадетского письма А. Г. Денисенко). Французские военные власти в Константинополе реквизировали у Русской армии 45 тысяч винтовок, 350 пулеметов, 12 миллионов патронов, 58 тысяч пар сапог.

Русский военно-морской флот направился во французскую морскую базу в Бизерте, в Африке, под русским военным флагом Святого Андрея, отменённым в России в январе 1918 года, которые заменили этот русский государственный флаг красным флагом немецких социалистических партий. Андреевский флаг Русского флота был временно спущен в Бизерте 16 октября 1924 года, при демобилизации флота, и был снова поднят на военных кораблях России после падения коммунизма. Однако, вся русская национальная и государственная символика бесперебойно всегда полностью сохранялась в Русской Эмиграции, в её школах и организациях.

Вместе с войсками эвакуировались многие гражданские лица, большей частью из интеллигенции, включая академиков и профессоров, около 30 архиереев и тысячи священников. В 1922 году к ним присоединилось около 150 представителей высшей культуры России (философы, мыслители, учёные, писатели и поэты), изгнанные со своей родины и депортированные в Западную Европу без суда и приговора, по приказу Ленина, утверждавшего, что «коммунистическое государство не нуждается ни в философах, ни в математиках», ибо оно может быть управляемо «любой кухаркой».

Вся эта колоссальная масса русских людей, включая стариков, женщин и детей, была лишена своего российского гражданства советской властью, без судебного решения, указом коммунистической интернациональной пролетарской власти от 15 декабря 1921 года. Таким образом, в мире возникла группа численностью приблизительно в три миллиона русских эмигрантов и беженцев, незаконно лишённых своего гражданства. Это обстоятельство вынудило управляющего делами беженцев Лиги Наций, лауреата Нобелевской премии Фритьофа Нансена, создать в 1924 году специальный паспорт, затем прозванный «**Нансеновским паспортом**», которым подтверждалось «**бесподданство**» русских белых эмигрантов. (Федор Шаляпин сказал по этому поводу: «**Меня, русского гражданина, лишили русского гражданства, но я стал гражданином мира.**»)

Посткоммунистические правительства России, возникшие после коллапса и развала коммунистического государства, потеряли возможность исправить это несправедливое беззаконие и нарушение права и человеческих прав при жизни их последних жертв, путем простого аннулирования этого акта от 15 декабря 1921 года. Десять лет тому назад ещё были живы некоторые его жертвы, но сегодня уже практически никто из них больше не остался в живых.

Таким образом, остается только лишь возможность посмертного восстановления их прав, каковое несомненно и произойдет, когда последние сторонники переворота 1917 года сойдут со сцены. Даже существуют предположения, что при учреждении современного гибридного режима в новом государстве, с самого начала было задумано оставить на решение следующих поколений две задачи: посмертную реабилитацию белых эмигрантов и удаление мавзолея Ленина с Красной Площади в Москве.

Незадолго до коллапса СССР, североамериканские идеологи Киссинджер и Бжезинский неоднократно публично подчеркивали, что нельзя допустить восстановления Государства Российского на его последнем историческом уровне, а необходимо **вернуться к до-романовской и до-имперской России**, с новой конституцией, без признания дореволюционного статус-кво и без аннулирования незаконных и неконституционных мер революционных властей.

Вклад Русской эмиграции в мировую культуру

Невозможно перечислить даже частично в короткой статье самых выдающихся членов русской Белой эмиграции, рассеянной по всему миру, но главным образом в Европе и в США, сделавших значительные вклады в мировую культуру. Лишь в качестве примера можно указать некоторых из них:

Философы: Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Борис Вышеславцев, Владимир Вейдле, Иван Ильин, Николай Лосский, Федор Степун, Василий Зеньковский, Симон Франк.

Нобелевские лауреаты: Иван Бунин (Лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 года), В. Леонтьев, Илья Пригожин.

Композиторы: Игорь Стравинский, Сергей Прокофьев, Александр Глазунов и Сергей Рахманинов.

Писатели: Марк Алданов, Владимир Волков, Зинаида Гиппиус, Александр Куприн, Димитрий Мережковский, Владимир Набоков, Анри Труайя, Иван Шмелев.

Учёные: Социолог Питирим Сорокин («отец северо-американской социологии»), историк Михаил Ростовцев (чей труд «Рим» был издан в переводе на испанский язык в Буэнос-Айресе в 1968 году, издательством Буэнос-Айресского государственного университета), Татьяна Проскуракова, расшифровавшая письма маяя, астроном Н. Стойко, отец аэродинамики Р. Рябушинский, изобретатель вертолета и авиаконструктор Игорь Сикорский, изобретатель телевидения В. Зворыкин, изобретатель высококачественной нефти В. Ипатьев.

Оперные певцы: Федор Шаляпин, Николай Гедда. **Дирижёр:** Игорь Маркевич.

Хореографы: Баланчин, Сергей Дягилев, полковник де Базиль, Матильда Кшесинская, Сергей Лифарь, Нижинский, Анна Павлова.

Артисты и кинорежиссеры: Жак Тати (Татищев), Роже Вадим, Марина Влади (Полякова), Одиль Версуа (Полякова), Саша Дистель.

Политики: Сегодняшний президент Австрии Александр ван дер Белен - сын русских эмигрантов.

Русская диаспора (рассеяние) в мире

Согласно некоторым исследованиям, общее количество русских в Изгнании в 20 -е годы прошлого века приближалось к числу трёх миллионов человек, составлявших

русскую диаспору (русское рассеяние, по-церковному). Из этих трех миллионов изгнанных, один миллион можно считать активными **политическими белыми эмигрантами**, в узком смысле этого слова, в то время как остальные два миллиона можно считать **политическими беженцами**. Вся эту трёхмиллионную **русскую диаспору** было принято обобщать под единым названием **«Русской Белой эмиграции»**. Однако такое обобщение сегодня уже неуместно, ибо в русской диаспоре сегодня оказались большие контингенты лиц, уже не имеющих ничего общего с гражданской войной, и зачастую вообще не являющихся политическими эмигрантами.

Вместе с семью миллионами русских, проживавших тогда на приграничных территориях, после Катастрофы оказавшихся за пределами новых государственных границ России, эта диаспора образовывала **«Зарубежную Русь»**, в состав каковой, в итоге, тогда входило около 10 миллионов человек. Сегодня, после второго тура расчленений России, эта Зарубежная Русь сильно увеличилась. Сегодня «Зарубежную Русь», часто также называют **«Русским Зарубеьем»**

Поначалу большинство изгнанников осело в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Германии и Франции. В 1922 -1923 годах количество русских эмигрантов в Германии достигало цифры в 600 тысяч человек, из них только в Берлине 360.000. По данным немецкой статистики, в Германии в эти годы издавалось больше книг на русском языке, чем на немецком. Однако, с активизацией национал-социалистической партии, большинство русских эмигрантов покинуло Германию и переехало, в основном, во Францию и в США.

Если начало Русской Белой эмиграции можно условно обозначить, её символический конец сегодня еще пока очень трудно определить. Некоторые считают, что формальное закрытие РОВС-а (Русского Обще-Воинского Союза), символически приуроченное к Дмитриевской субботе 4 ноября **2000-го года, может быть такой символической датой**. В таком случае получается, что Русская Белая эмиграция реально просуществовала ровно **80 лет** (без 18 дней).

Другие считают, что восстановление канонического единства в Русской Православной Церкви, в **мае 2007 года**, тоже можно считать **символической датой преодоления Русской Эмиграции** и включения её остатков и её наследия в **Русское Рассеяние** (Диаспору). Тем более, что представители епископата, духовенства и мирян Русской Православной Церкви Заграницей приняли **равноправное участие** в 2009 году в Поместном Соборе Русской Православной Церкви в Москве, и в выборах Патриарха Московского и **Всея Руси** (в том числе и **«Руси Зарубежной»**). Однако, тогда это было лишь церковное но не политическое примирение, ибо делегаты Русской Зрубежной Церкви должны были получать визы РФ, **как иностранцы**, для прибытия на этот Собор и на эти выборы Патриарха.

Значит, **остракизм Русской Эмиграции до сих пор де юре не закончен и не ликвидирован**. Остракизм был высшей **мерой политического наказания** в демократии Древних Афин, когда, свободным волеизъявлением **всех граждан** на глиняных черепках (по-гречески «остракон»), один раз в год принималось законное **судебное решение** для изгнания из Афин **на десять лет одного гражданина**. По истечении десяти лет, изгнанный мог свободно вернуться на свою родину и получить все права, которыми он обладал до изгнания.

В случае же Русской Эмиграции, это лишение русского гражданства, не одного человека, а **миллионов русских людей**, было незаконно решено волей одного человека, оформленной как «решение совнаркома», и продолжается оно не десять, а десятки лет, до сегодняшнего дня, ибо этот русофобский акт до сих пор считается юридически неотменённым, хотя он и противоречит международному праву и конституции Р. Ф. +

(Кадетское письмо № 9, от 2004 г.).

Историческая миссия Русской эмиграции

(Выдержки из воспоминаний)

Свобода через муки

Русская эмиграция является во многих отношениях исключительным явлением в истории человечества. Во-первых, по своему количеству, во-вторых, по своей длительности, в-третьих, по своему эпилогу. Никогда в истории человечества, ни в древние, ни в современные времена, не было такой колоссальной по своему количественному составу **политической** эмиграции. Хотя установить с научной точностью численность эмиграции до сих пор не так легко, все же нет никакого сомнения, исходя из разносторонних серьезных данных, что число русских эмигрантов было **миллионным**.

Сегодня трудно проверить численность еврейской эмиграции из Святой Земли, после двух больших восстаний против римлян в 1-ом и 2-ом веке после Р. Х. Также трудно точно установить количество евреев, покинувших Испанию после 1492 года. Очень трудно определить точное количество армянской эмиграции из Турции после геноцида 1915 года. Однако все эти три большие эмиграции по своей численности уступали численности русской эмиграции после захвата власти коммунистами в России. Все другие эмиграции, как древние, так и современные, были меньше.

Конечно, количественный показатель эмиграции не исчерпывает полностью сам по себе весь трагический характер каждой из них. В Древней Афинской Демократии, весьма жестокой по отношению к любым преступникам, политическим и уголовным, **самым суровым наказанием было изгнание**, т. н. «**остракизм**», но это изгнание было категорически ограничено сроком в десять лет. Даже эмиграция одного-единственного человека, как, например, пожизненная эмиграция Данте Алигьери из Флоренции, является сугубо трагичной. Однако, в случае русской белой эмиграции, трагедия миллионов русских людей, тоже пожизненная, имела катастрофические последствия, во многих отношениях.

Самым поразительным аспектом этой эмиграции до сих пор является её **нескончаемость**. Практически сегодня, то есть когда редактируются эти воспоминания, в 2013 году, все русские эмигранты уже скончались, за редчайшими исключениями. Можно сказать, что первое поколение русской эмиграции сегодня уже полностью кончилось, не дождавшись **юридического** конца эмиграции.

Эмиграция технически была вызвана **поражением в Гражданской войне** одной из двух воюющих сторон и последующим **неприятием** побежденной стороной новой установившейся в стране неконституционной (революционной) власти. Другие эмиграции современной истории зарождались в основном без предварительной гражданской войны. Кроме того, все они, так или иначе, кончались в какой-то момент после преодоления вызвавших их пертурбаций. Например, лидер корейской эмиграции Сингман Ри смог вернуться к себе на родину с почётом после многих десятилетий японской оккупации, и после своего возврата даже возглавить правительство в Южной Корее. Немецкие и итальянские эмигранты тоже смогли вернуться с почётом к себе на родину после коллапса национал-социализма и фашизма в их странах. Многие из них даже заняли видные ведущие места в жизни своих стран, по окончании катастрофических потрясений, как, например, Курт Шумахер, Эрнст Ройтер и Вилли Брандт в Германии.

Русская эмиграция кроме того была **формально навсегда закреплена** незаконным декретом Ленина от 15 декабря 1921 года. (Незаконным также и с точки зрения современной конституции РФ). Этот декрет провозгласил, без суда, преступниками всех русских эмигрантов, одновременно лишив их и их потомков права на их гражданство. Так

как этот декрет до сих пор не был отменён, получается, что не только все русские эмигранты, но также и все их потомки до сих пор юридически являются для властей в России **преступниками**, несмотря на то, что эти же власти постоянно обращаются к ним с разного рода обращениями и воззваниями, как к **«соотечественникам»**.

Таким образом, мой отец, подданный и гражданин Государства Российского и кадровый русский офицер, четырежды раненный на немецком фронте в Первую Мировую войну, а до этого бывший Земским начальником в Минской губернии, сиречь государственным сановником этого русского исторического государства, до сих пор тоже считается подлежащим этому декрету Ленина от 15 декабря 1921 года, **незаконно и огульно провозгласившего миллионы русских людей**, оказавшихся за границей в результате гражданской войны, **лишёнными своего русского гражданства**. По нашим русским и многим другим европейским законам, сын наследует гражданство от отца, так что меня тоже сегодня продолжают считать подпадающим под этот коллективный незаконный и бесчеловечный указ Ленина. Правда, мой отец, как юрист, так и не смог понять, какого же гражданства его тогда претендовали лишить: русского или советского. Мой отец говорил, что лишить его гражданства Всероссийской Империи Ленин никак не мог, ибо не имел на это никаких прав, так как в Российской Империи он имел статус беглого каторжника, и мой отец был боевым офицером, фронтовиком. Кроме того, как пишет В. А. Солоухин, **«у Ленина не было ни одной капли русской крови»**. Да и вся верхушка новой революционной (сиречь неконституционной) власти в России в основном тоже не была русской, как об этом свидетельствуют те же имена Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского, Берии и т. д. Сегодня многие из них даже не были бы гражданами «Российской Федерации», а гражданами других новосозданных, в результате коммунизма, стран. Лишить же моего отца гражданства советского, то есть гражданства СССР, Ленин тоже никак не мог, ибо это новое государство в тот момент еще не существовало, а мой отец ни одного дня не был гражданином СССР. Он до конца своей жизни продолжал считать себя не только русским по национальности, но также и **русским гражданином**, отказываясь принимать иные гражданства, даже если это и вело к потере им работы и к материальным лишениям его семьи. Такой абсурд сегодня можно было бы легко преодолеть формальным подтверждением **преемственности** сегодняшней России **с русской государственностью**, через голову диктатуры интернационального пролетариата, официально провозглашённой в России Лениным. Если же такой отказ от ленинского режима «де-факто» сегодня ещё является невозможным в России, по каким-то соображениям и причинам, то, в таком случае, необходимо хотя бы **аннулировать этот конкретный указ** Ленина или подтвердить его **сегодняшнюю недействительность** в Р. Ф. Только после этого можно будет считать русских эмигрантов и их потомков «соотечественниками».

Независимо от всех этих юридических и политических анализов, особенность русской эмиграции заключается и в том, что она продолжилась, по крайней мере, на ещё одно поколение, а частично и того далее. Дело в том, что первое поколение русской эмиграции, благодаря своей многочисленности (своему удельному весу), своей общественной организованности и, главным образом, своей идейности, смогло в значительной мере превратить большую часть своих детей, и в меньшей мере — внуков, практически тоже в **русских эмигрантов**. Не принимая никакого иностранного гражданства в течение многих лет, первое поколение русской эмиграции ставило свое второе поколение перед свершившимся фактом: оно уже рождалось в эмиграции, без какого бы то ни было гражданства, держась только лишь твёрдо за свое **духовное и культурное русское гражданство**. Не говоря уже о естественной и прирождённой национальной принадлежности.

Так получился социальный парадокс: десятки тысяч русских эмигрантов, разбросанных по всему миру, **уже рождались эмигрантами**, никогда никуда не эмигрируя. Они были эмигрантами с момента их рождения, и в большинстве случаев таковыми оставались в течение десятилетий, а иногда и всю жизнь. Я лично, например,

не только родился бесподданным, но и прожил почти полвека без какого бы то ни было гражданства, хотя за это время я тоже успел ещё два раза дополнительно эмигрировать из двух разных стран. (У меня сохранились мои немецкие и швейцарские личные документы, удостоверяющие, что я «staatenlos», то есть, что я не имею никакого гражданства, что я не являюсь гражданином **никакого государства**.) Но это были лишь повторные эмиграции. Хотя они тоже были трудными и даже, можно сказать, до некоторой степени душераздирающими, но все же они были лишь незначительной тенью той, первой эмиграции, в которой я уже родился. Больше того, мои три сына родились в тот период моей жизни, когда у меня еще не было никакого гражданства, так что, по законам многих европейских стран, исходя из этого, они тоже должны были бы считаться бесподданными, то есть без какого бы то ни было гражданства. Лишь тот факт, что они родились в одном из американских государств, давал им автоматическое его гражданство, независимо от воли их родителей, ибо в американских странах находится в силе «юс солис», «закон почвы».

Однако, даже когда, уже почти в 50-летнем возрасте, я наконец решил принять аргентинское гражданство моих детей и моей жены, я от этого отнюдь не перестал быть русским эмигрантом, а следовательно и русским по национальности. Я лишь перестал быть «бесподданным» или «штаатенлос», то есть буквально «без государства», как это подтверждали мои личные немецкие и швейцарские документы. Моя мать умерла на 89-ом году жизни в Буэнос-Айресе без какого бы то ни было иностранного гражданства, считая себя всю жизнь только лишь «русской подданной», несмотря на то, что ей пришлось жить в пяти разных странах, после эмиграции из России в 25-летнем возрасте. (Она **пять раз в своей жизни эмигрировала**: из Харькова на Кубань, с Кубани в Крым из Крыма в Югославию, из центральной Сербии в её столицу Белград, из Белграда в Чехию, из Чехии в Австрию, из Австрии в Баварию, из Баварии в Аргентину. Каждый раз лишь с одним чемоданчиком в руках.) Таким образом, получилось, что русская эмиграция длилась не только всю жизнь составлявших её эмигрантов, но также и всю жизнь их детей. На внуков это уже не распространяется, во всяком случае, не может распространяться полностью. Например, мои три сына чувствуют себя также и русскими, но, конечно, они эмигрантами уже не могут быть.

В рамках этих исторических процессов и прошла моя жизнь. Я могу сегодня сказать, что все мои до сих пор 86 лет жизни прошли **целиком и полностью в эмиграции**. Конечно, это не является какой-то заслугой или какой-то привилегией. Однако, это несомненно был тяжелый путь, на котором было немало хождений по мукам всякого рода. И все же, этот длинный путь по мукам давал одновременно и некоторые преимущества. Например, преимущество духовной, идейной, политической и даже бытовой **свободы**. Во всяком случае, **свободы внутренней**, но в большинстве случаев, так или иначе, и свободы внешней. Кроме того, такое систематическое мученичество в продолжение всей жизни является одновременно и неизбежным постоянным **свидетельством**, ибо **мученик** по-гречески (*мартирос*) и значит **свидетель**.

Настоящие мои воспоминания я и пишу во исполнение моего долга, в первую очередь перед Россией, как **свидетельские показания очевидца** и даже, в той или иной мере, участника тех событий, о которых дается свидетельство. Конечно, это не будет перечень всех или даже только некоторых событий, а главным образом **осмысление** тех **процессов**, частью которых были упоминаемые или подразумеваемые события. Современную историю или летопись России и мира нельзя писать без свидетельских показаний русских людей, оказавшихся разбросанными по всему миру, как политические эмигранты. Очень многое русская эмиграция уже на эту тему написала, но сегодня, через 90 с лишним лет после Катастрофы в России, необходимо дать свидетельские показания и о самом последнем периоде этого лихолетья, а также и попытаться частично его подытожить.

Град Китеж: исчезнувшая Русь

Исключительный характер русской эмиграции легче всего определить, назвав ее «**исчезнувшей Русью**». Размеры, состав и структура этой Руси позволили тогда многим называть русскую эмиграцию отдельным государством в мире. Правда, у этого государства никогда не было полноправного действительного правительства, но все другие признаки были на лицо. Конечно, также не было у русской эмиграции и своей собственной территории, но в мире существовали и существуют квази-государства без территории, даже обладающие, в той или иной степени, правами экстерриториальности, как, например, Мальтийский орден. Русская эмиграция по своим размерам даже превышала по численности населения некоторые микрогосударства. Сегодня трудно себе ясно представить действительный характер нашей эмиграции в течение первой четверти века ее существования. Она сохраняется лишь в виде выживших маленьких остатков когда-то мощных структур, в рамках современной колоссальной русской диаспоры. Перенос сегодняшних представлений о современном положении на полвека с лишним назад полностью искажает не только само по себе понимание эмиграции, но также и всю историческую перспективу, в рамках которой она существовала. В настоящее время есть много примеров таких искажений. Я имею в виду не только политические или идеологические искажения, а психологическое и социологическое непонимание истории.

Под искажающим влиянием идеологических редукционизмов, действующих как прокрустово ложе по отношению к описанию любых исторических процессов, когда речь идет о русской эмиграции, в первую очередь поднимаются два вопроса: об ее организационных структурах и об ее политических программах. Однако необходимо с места в карьер установить, что русская эмиграция в 20-е и 30-е годы отнюдь не жила организационными структурами и политическими программами. Если меня сегодня спросить, что мне кажется самым характерным для русской эмиграции тех времён, то мне, в первую очередь, приходит на ум её **специфический русский быт**. Это было единственное сокровище, которое русская эмиграция вывезла из России.

В отличие от великого исхода еврейского народа из Египта, у участников великого русского исхода из России в начале 20-х годов прошлого века их Родина, Россия, оставалась позади, позади во времени и в пространстве. У древних же евреев в момент их исхода Израиль ещё был только лишь впереди. Посему они с собой и смогли взять лишь материальные блага. Русская же эмиграция никаких материальных благ с собой взять не могла, за редчайшими исключениями. Вообще в тот момент её единственным благом была сама Россия. Единственное, что они могли с собой взять из этой, для них кончавшейся России, был её быт, русский быт, и русские верования.

Алексей Хомяков утверждает, что славянское слово «свобода» происходит от словосочетания «**свой быт**». Таким образом, только лишь имея возможность жить своим бытом, а не чужим, навязанным ему бытом, человек может считаться в полном смысле слова свободным. Кроме того, весьма интересно, что само слово «быт» не имеет полностью равнозначного ему слова в других языках, хотя корень этого слова сохраняется в индоевропейских языках, главным образом, во вспомогательном глаголе «быть», по-английски to be. (Имя немецкого племени швабов происходит от этого же корня).

Оказавшись в изгнании, русская эмиграция, даже в самых ужасных первоначальных условиях своей зарубежной жизни, первое, что хотела сохранить, это свой русский быт. Быт русского народа вообще, его служилого слоя и его интеллигенции (в лучшем смысле этого слова) имел весьма сложный характер. На фундаменте русского народного быта было создано много дополнительных навыков, связанных со службой и с жизнью этого слоя. В основном это был военный служилый слой или тесно со службой связанные социальные прослойки. Со всем русским народом его связывали общие религиозные и

национальные верования, каковые органически сосуществовали вместе с целым рядом общеевропейских культурных и жизненных концепций и традиций.

Моя мать мне многократно рассказывала про первые ужасные дни пребывания в эмиграции, когда их семья оказалась в составе казачьих военных частей, интернированных англичанами на необитаемой части греческого острова Лемнос. Десятки тысяч человек, включая женщин и детей, были высажены с кораблей на необитаемый голый пляж без деревьев и кустов. Бедные греческие поселки находились на противоположной стороне острова, и до них даже невозможно было сразу добраться. Англичане им выдали военные палатки и разломанные большие деревянные ящики, в которых перевозились разные продукты. Также им выдали скудный провиант на неделю, сказав, что через неделю привезут ещё. После этого англичане отбыли на своих военных кораблях, оставив высаженных русских на произвол судьбы. Однако в данном случае английская спесь не только оказалась ошибочной, но и, в конечном итоге, малокультурной, ибо английские офицеры-аристократы в данном случае забыли, что судьба подлинного аристократа зависит от него самого, а не от посторонних.

Как мне мать рассказывала со всеми подробностями, сразу же, в первый момент после высадки на неудобный и неприветливый дикий берег пустого острова, их охватил дикий ужас. Однако это не был ужас перед тем, как они и где будут спать и что будут есть. Это был ужас перед очевидным фактом, что они оказались вне всякого быта, перед полным отсутствием минимального русского быта. Однако ужас длился недолго, ибо вскоре кто-то из начальников дал воодушевляющий приказ: разбить пустое место на улицы лагерного городка, в первую очередь с местом для часовни, для лазарета, для школы и для других служебных мест, а затем приступить к возведению палаток в рациональном порядке.

Недавно я где-то читал, что на Лемносе высадилось более 20 тысяч человек, главным образом казачьи военные части. Среди этих тысяч людей было много генералов, офицеров и вообще интеллигентных людей. Нашлись и землемеры, инженеры и иные техники для любого дела. В первый же день работа закипела, и, как говорила мать, в согласии со старой русской культурой, а не советской, в первую очередь были приняты меры для обеспечения минимальных удобств для женщин и детей. В следующие дни все продолжали работать, разводить улицы, маленькие скверы, строить часовню из досок от английских ящиков. Короче говоря, когда через неделю прибыли гордые сыны Альбиона, они не могли поверить своим глазам: перед ними, вместо голого скалистого побережья, оказался маленький городок из палаток, с улицами, скверами, часовней, лазаретом и так далее. Мать помнила, что английский адмирал открыто признал свое удивление, перешедшее в восхищение, перед её отчимом, генералом Энвальдом, и другими русскими офицерами.

Но не за английским признанием гонялись тогда русские люди, а только лишь за восстановлением своего русского быта. Русский быт был сразу же восстановлен, сначала в своем минимальном объеме, затем постоянно и органически растущем. В часовне начались богослужения, в маленькой школе начались занятия с детьми, в маленьком амфитеатре под открытым небом начались театральные и музыкальные представления. Конечно, ни о каких пиршествах не могло быть и речи, ибо беспросветная горечь потери России не допускала никакого пиршества, да таковые и не были возможны на старых английских морских галетах и иных подобных продуктах, оставшихся после Великой войны. Такое неумолимое и энергичное восстановление русской эмиграцией русского быта в любых, даже самых ужасных, условиях, с тех пор всегда было настоящей красной нитью этой эмиграции.

Уже лет через 15 после Лемноса, когда мне было около 6 -7 лет, мои родители повезли меня из маленького провинциального городка Чачак, в центре Сербии, в средний пограничный городок Суботица на севере Сербии, на границе с Венгрией. Там жил брат моей мамы, подполковник Георгий Леонардович Верженский, и там же умер отчим моей матери генерал Энвальд. В этом городе в начале 20-х годов, тогдашние власти Югославии

устроили на жительство несколько сот русских эмигрантов, главным образом офицеров. Так вот, одной из первых инициатив местной русской колонии в Суботице было создание русского офицерского собрания в центре города.

Заведующих этими собраниями выбирали, кажется, ежегодно. Я сейчас не помню, был ли это 1934 или 1935 год, когда этим офицерским собранием в Суботице заведовал мой дядя, который меня в него повел, чтобы показать его. Я помню большой двор, в котором была устроена площадка для игры в крикет, очень популярный в России до революции. Само собрание состояло из одного большого зала и нескольких комнат. Я помню красиво убранный чистый зал, на стенах которого висели портреты русских царей и полководцев. (Кажется, тогда я впервые в моей жизни увидел портреты русских царей). Мой дядя объяснил мне, что все помещение обустроивалось убиралось самими офицерами, в свободное от работы время. Все они работали простыми рабочими или мелкими служащими. Мой дядя, артиллерийский подполковник, ветеран Японской и Первой Мировой войн, сначала работал простым железнодорожным рабочим, а затем заведующим железнодорожным складом на станции.

В русском офицерском собрании в Суботице царил настоящий русский дух и русский быт. Все было чисто, убрано, практично и, самое главное, красиво. Русская местная колония собиралась в этом своем клубе после работы и в свободные дни. Дядя меня предупредил, что в этой обстановке надо вести себя хорошо, то есть надо со всеми здороваться, уступать место старшим, нельзя садиться на пол или на забор, нужно учтиво отвечать на все вопросы и говорить, если нужно, спасибо. Я до этого никогда не был в русской среде, так как сначала жил, ещё маленьким ребенком, в сербской деревне, где не было ни одного русского кроме нас, а затем в маленьком городке, где было очень мало русских. Я привык к сербской среде, главным образом крестьянской, а тут я вдруг сразу встретился с многочисленной русской средой, где были десятки русских офицеров и их дам, скромно одетых (многие офицеры все ещё продолжали носить свою старую русскую военную форму), которые мило и не громко разговаривали между собой. Мне сразу же понравилась эта, доселе мне незнакомая атмосфера, так же как и непонятная мне тогда игра в крикет.

Сейчас такого русского быта уже больше нигде в мире не осталось, но иногда у меня возникают его частичные реминисценции при виде старых английских фильмов, изображающих прежнюю жизнь английского культурного общества. В таких случаях я говорю моей жене и моим детям: «Смотрите, это очень похоже на старый русский быт старой русской эмиграции». За одним исключением. В русской среде, кроме этого быта, или, вернее, в его ядре, чувствовалось живое присутствие какой-то сильной духовной идеи, можно было бы сказать, **русский православный дух**. Не только потому, что всюду на почётных местах висели иконы, но и потому, что религиозная субстанция чувствовалась за всеми проявлениями русской жизни. Русская эмиграция в основной своей массе в 20-е и 30-е годы прошлого века жила не только своим старым **русским бытом**, но также и своими собственными **русскими верованиями**. В данном случае, под термином «верования» я подразумеваю специфический **аккорд или букет духовных и культурных ценностей**, по отношению к которым в Русской Эмиграции существовал общий соборный консенсус.

Как известно, социологическое значение верований впервые было чётко разработано испанским философом Хосе Ортега-и-Гассет, а затем некоторыми его учениками (Хулиан Мариас и Каррагори). Однако, это понятие принималось во внимание и предыдущими мыслителями. Например, Фюстель де Куланж пишет, что **учреждения древних нам сегодня невозможно понять без учёта их тогдашних верований**. Наш великий мыслитель Л. А. Тихомиров тоже систематически ссылается на социологическую важность верований. Он считает верования **«частью социального фундамента государства»**. Я лично в некоторых моих статьях на темы политической теории, включаю верования в число элементов государства.

Ввиду того, что верования являются социальным фундаментом общества, их не так легко описать. Легче описать или зарисовать точный вид фасада, чем тех фундаментов, на которых он покоится. Однако, не упуская из виду сложный характер верований, можно отметить некоторые их главные составляющие: Православие, русский патриотизм, любовь к русской культуре, любовь к русской истории и любовь к русскому воинству. Чтобы не гнаться за исчерпывающим перечислением всех этих составных частей русских верований, в конечном итоге, можно их всех резюмировать в одном слове: Россия. На моем докладе при закрытии 16-го Кадетского Съезда в Москве в 1998 году, я процитировал известное стихотворение Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать:
В Россию можно только верить.

Однако, все подобные определения или описания верований русской эмиграции будут недостаточно выпуклыми, если будет упущена одна деталь, одна нота в этом сложном аккорде. Во всяком случае, я лично всегда сильно чувствовал эту деталь, с самого раннего детства, и только лишь уже под старость это чувство стало немного выветриваться, под давлением и гнетом реальной обстановки. Я имею в виду чувство всех русских эмигрантов, что они принадлежат к одной большой семье.

Все русские в эмиграции были как бы дальними родственниками между собой, причем это не было только сильным подсознательным чувством, но также и сознательной позицией. Например, нам, русским детям в Югославии, говорили, что ко всем знакомым наших родителей надо обращаться со словами «дядя» и «тётя». Я, приблизительно до моего 8-летнего возраста даже и предполагал, что все русские офицеры – знакомые моих родителей – были какими-то моими отдалёнными родственниками. Более того, я хорошо помню, что я в этом возрасте даже предполагал, что любой такой новый для меня дядя, живший в Центральной Сербии, к которому мой отец обращался по имени-отчеству или «господин полковник», должен был знать всех других подобных же моих «дядей», которые жили на севере Сербии, на границе с Венгрией. Однако при этом нужно отметить, что это было вызвано также и естественным чувством локтя между изгнанниками, каковые боялись раствориться в массе окружающих их иностранцев.

Например, в конце 30-х годов моя семья жила в городе Чачак в Центральной Сербии, где было немногим более 10 тысяч жителей, среди которых было всего лишь около ста взрослых русских. (Я эту цифру хорошо помню, ибо в 1937 году вся русская колония города Чачка торжественно отмечала 100-летие смерти А. С. Пушкина). Был организован академический акт с артистическими выступлениями детей и молодежи, а мой отец прочитал доклад об истории Китая. После акта вся местная русская колония, кроме маленьких детей, собралась на ужин с музыкой в одном центральном ресторане города, и я помню, как устроители говорили между собой, что все 100 забронированных мест были заняты. Я тоже принял участие в этом ужине, ибо мне уже исполнялось 10 лет.

Ещё не так давно меня как-то всего передернуло, когда я вдруг по телевидению услышал слова, что где-то были арестованы полицией какие-то «русские проститутки». Ведь мы, дети и молодёжь русской белой эмиграции, раньше твердо верили, что среди русских могут быть коммунисты, но проституток никак не может быть.

Русские верования, о которых в данном случае идет речь, не были никем выдуманы или скомпонованы. Они дошли до нас по цепочке времён из глубины веков нашей русской истории. Их можно сравнить со старыми, очень старыми иконами, на которых со временем осела гарь от свечей. Однако главная беда была не в подобной гари, которую можно сравнительно легко очистить, а в имевшихся часто попытках наново перемалевать такую древнюю красоту новыми неуклюжими мазками, якобы для подновления и

модернизации. Так и получалось, что глубокой сущности подобных икон мы не могли всегда видеть, ибо иногда она была от нас прикрыта наносным второстепенным разукрашиванием. Так и поверх наших старых русских исконных верований часть русского общества интенсивно и часто уродливо малевала пласты идеологически чужеродных элементов. Когда же эти наносные слои идеологических дешевых красок стали покрываться густой сетью трещин, то было провозглашено истошными голосами: «Смотрите, как русские иконы трескаются и какой у них устарелый вид». У Солоухина есть замечательные слова о том, какая красота выступает, когда удастся снести со старых русских икон эти наносные искусственные, чужеродные малевальные наслоения.

Русская эмиграция оказалась на чужбине со своими русскими верованиями, сильно покрытыми такими идеологическими домыслами, потрескавшимися во всех направлениях. И тут начался новый исторический процесс: потрескавшиеся домыслы начали облупливаться, а некоторые из них и отпадать. Оставшиеся же фрагменты этих домыслов очень часто приходилось самим уже удалять. Этот исторический процесс весьма важен, ибо он был спонтанным, стихийным, что подтверждается его параллелизмом и в России, и в Зарубежье. Кроме того, этот процесс до сих пор систематически умалчивается средствами массовой манипуляции, именно по той простой причине, что этот процесс был именно стихийным, сиречь народным, а не результатом манипуляций сверху или из-за кулис.

Таким образом, русский быт и русские верования, не только сохранившиеся, но и очистившиеся в русской эмиграции в первые десятилетия её существования, были тем русским кладом, который как бы погрузился под поверхность исторических официальных происшествий в мире. В этом смысле русская эмиграция была своего рода **Градом Китежем**, недостижимым для всего остального мира, но чей колокольный звон весь мир слышал и продолжает слышать. Согласно этой красивой по форме и глубокой по смыслу русской легенде, перед нашествием диких и кровожадных врагов русский Город Китеж опустился под воду озера Светлый Яр. Град Китеж оказался для врагов недостижимым, но, согласно легенде, они продолжали слышать колокольный звон скрывшегося под водой города.+

Буэнос-Айрес, 2013 г.

И. Андрушкевич

«Вся жизнь в эмиграции. Свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий.» <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>)

Кадетское письмо № 114. Буэнос-Айрес, ноябрь 2019 г. XXV год издания.

Бюллетень русских кадет в эмиграции. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса, в эмиграции. Не издавался с 1961 года. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник всегда обязательна. **Издатель и редактор:** И. Н. Андрушкевич, кадет XXVI выпуска I Русского кадетского корпуса, в эмиграции. Корректор этого номера: Лидия Вербовская.

Адрес: kadetpismo@hotmail.com . Предыдущие №№: <http://i-n.andruskiewitsch.blogspot.com.ar>